

УВАЖИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ПАВШИМ НА ПОЛЕ БРАНИ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В.З. Баликов

Новосибирский государственный
университет архитектуры, дизайна
и искусств (НГУАДИ)

balikoev1941@yandex.ru

В статье рассматриваются отношения различных народов и национальных культур к памяти павших на поле брани. Подчеркиваются исторические, культурные и религиозные особенности формирования традиций и обычаев почитания и сохранения памяти о них. Делается вывод о том, что отношение к памяти павших свидетельствует об уровне развития национальной культуры.

Ключевые слова: память о павших, традиции, обычаи, правила поведения, ценностно-нормативные социальные механизмы, национальная культура.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-176-184

Народная культура формируется в течение сотен, а то и тысяч лет. Важнейшей ее особенностью является традиционность, определяющая ценностно-нормативные социальные механизмы передачи и наследования ее элементов от лица к лицу, от мастера к ученику, от поколения к поколению. В целом традиционность выражает всё богатство форм передачи информации, накопленной предыдущими поколениями, новому, народившемуся. Не зря англичанину не всегда нужно обосновывать свою точку зрения на какую-нибудь жизненную коллизию, достаточно сказать, что это – традиция. Ссылка на традицию в Англии считается весомым доказательством.

Народная культура через традиции, социальные, культурные и ценностные нормы приобретает ярко выраженный национальный характер. И в этом смысле о народной культуре можно говорить как о

национальной, хотя эти понятия не тождественны и различаются принципиально. Народная (и в силу этого национальная) культура нормирует и определяет все аспекты жизнедеятельности сообщества: уклад жизни, формы хозяйственной деятельности, обычаи, обряды, регулирование взаимоотношений членов сообщества, тип семьи, воспитание детей, характер жилища, освоение окружающего пространства, тип одежды, питание, отношение к природе, предания, верования, поверья, знания, язык, фольклор и т. д.

Культурология, анализируя различные национальные культуры, своей задачей ставит вычленение некоего надэтнического компонента, который присутствует во всех народных культурах. «Это, в частности, такие идеи, смыслы, ценности, как представления о природе, космосе, месте человека в мире, религиозно-мифологические понятия об отношениях человека со сверхъ-

естественными, высшими силами, представления об идеалах мудрости, силе героизма, красоты, добра, о формах “правильного” и “неправильного” социального поведения и устройства жизни, о служении людям, родине...» [4].

Нас в контексте заявленной темы интересует более всего взаимодействие со сверхъестественными, высшими силами, куда абсолютно все народные культуры относят переход человека в конце жизни в потустороннее существование. Иначе говоря, продолжение жизни после смерти. Очень важно то, что в зависимости от отношения народа к жизни после смерти, исторически формируется сугубо национальное отношение живых к мертвым, к ушедшим, павшим.

Толчком к написанию данной статьи послужила публикация в газете «Аргументы и факты» от 11 сентября 2013 года статьи «Все забыты, все забыто. Как мы предаем Великую Победу» [1]. Центральная идея статьи: «останки немцев следует перезахоронить в Германии». Выражается некоторое недоумение по поводу того, что немцы и итальянцы ухаживают и заботятся о воинских захоронениях в России, ставят мемориалы в память о своих погибших согражданах. Газета пишет, что всё это раздражает местное население (речь идет о Смоленской области), которое «...негодует. Оно против открытия второго кладбища. Неужели недостаточно уже имеющегося? Воевать с мертвыми никто не собирается, но хоронить их надо дома».

Материал приведенной статьи воскресил в памяти давний случай, произошедший со мной, что, собственно, и подтолкнуло меня, экономиста по специальности, к написанию данной культурологической статьи. В 90-е годы я был ведущим

рубрики «Политика» в одной из новосибирских газет. Когда появились первые свидетельства о сносе памятников павшим советским солдатам в Эстонии, Латвии и Литве, я написал статью о конкретном случае из жизни села, где я родился и вырос. В статье я сравнил отношение к памяти павших у народов названных новых государств и у неграмотной крестьянки-колхозницы, которая 30 лет ухаживала за могилой немецкого солдата, похороненного отступающими фашистами у нее на огороде.

Нас всех удивляло некоторое, как нам казалось, упрямство этой женщины, которая ухаживала за могилой врага. Но однажды, в тихой вечерней беседе вдов, а их у нас в соседстве было девять, я услышал её слова: «Может быть, и за могилой моего мужа там кто-нибудь ухаживает. Говорят, у них в этом отношении порядок. Ну что теперь считаться? Перед Господом теперь они все равны и, надо полагать, примирились». Вряд ли недалекая женщина так бы рассудила. Эта «недалекая» крестьянка, между прочим, вырастила сына, моего одноклассника, ставшего чемпионом России по вольной борьбе, а затем бессменным (в течение 25 лет) тренером сборной СССР и РФ по вольной борьбе. Под руководством заслуженного мастера спорта СССР, заслуженного тренера СССР и РФ Казбека Исаевича Дедегкаева наша команда борцов выиграла две Олимпиады – в Атланте и Барселоне – и десять раз становилась чемпионом мира.

Сравнение было явно не в пользу претендующих на европейскую цивилизованность прибалтов. Однако статью не пропустил главный редактор газеты. Аргументация была непробиваемой: «Вы их поймите. Для них мы, особенно наши солдаты, всег-

да были оккупантами, с чего бы это они не жаждали избавиться от такого советского наследия?». А моя односельчанка (просто соседка) оказалась, по определению главного редактора, тупой неграмотной крестьянкой, тем более горянкой, по инерции и по недопониманию заботящейся о могиле врага. А на вопрос, не является ли эта «тупая» крестьянка более цивилизованной и культурной, нежели упомянутые прибалты, последовал ответ: «Конечно, нет».

Я отказался от дальнейшего сотрудничества с газетой, но время показало, насколько всё же главный редактор был не прав. Со временем к мстительным прибалтам присоединились такие же мстительные поляки, а теперь и сугубо свои – украинцы, пытающиеся превзойти абсолютно всех в мстительности и неуважительном отношении к павшим героям. Одно только непонятно – за что мстят-то? А что касается могилы немецкого солдата на огороде моей соседки, то в 1975 году, к 30-летию Великой Победы, ее, как и несколько десятков других разрозненных захоронений, свели в одну большую немецкую братскую могилу, которую разместили рядом с братской могилой советских солдат. Раздельно – их разделяет красивая железная решетка, но всё же рядом. На церемонию перезахоронения приехала большая делегация из Западной Германии. И привезла массу подарков и благодарность Правительства ФРГ этой самой столь «нецивилизованной» крестьянке.

Пытаясь понять этот феномен прибалтов, поляков и украинцев, а также редактора новосибирской газеты, я в меру своих возможностей углубился в историю данного явления и нашел удивительно интересный материал по этому вопросу, проливающий свет на многие противоречивые явления.

В народной, национальной культуре ничего случайного и наносного нет. Всё в ней глубоко закономерно, ибо она утверждается в течение всей жизни народа самим его бытием. Любой обычай, любая традиция появляется не на пустом месте, а как объективная необходимость, как жизненно важное поведение, помогающее сообществу или выживать в трудных условиях, или облегчать жизнь. Так пробивает себе дорогу древнегреческая общепризнанная истина «Бытие определяет сознание». Иначе говоря, возникновение обычая или традиции диктует сама жизнь. Или, как сказал бы Л.Н. Гумилев, логика вещей. Следовательно, глупых или диких обычаев и нравов даже у самых исторически отсталых народов не бывает. Все они вытекают из образа жизни народа и несут в себе его ценностно-нормативные начала, смысл его жизни. Так надо! – утверждает практика жизни.

Люди могут забыть, почему они в том или ином случае поступают именно так, как велит обычай. «Так поступали наши предки. Не мы этот обычай ввели – не нам его и отменять». Так в жизни народа появляются дескрипты: предписания, неписанные правила поведения. Так заведено предками – значит, так надо!

Необходимо понимать, что при этом означенные дескрипты не имеют формального институционального выражения. За их невыполнение в тюрьму человека никто не посадит. Они не имеют силы государственного закона. Однако нарушитель традиции может получить наказание в другой форме: осуждения его всем обществом. И еще не ясно, какой вид наказания окажется для нарушителя более строгим: два года тюрьмы или всенародное осуждение, которое будет его пресле-

довать всю жизнь. Часто последнее значительно строже и болезненнее и, следовательно, действеннее.

Еще глубже воздействие традиций или обычаев на народную культуру, если они освящены религией, верой. Например, у иудеев и мусульман традиция обрезания освящена религией. И она свято соблюдается. И у тех и у других обрезание символизирует в индивидуальной форме жертвоприношение Авраама (Абрахама), который в знак своей глубокой веры в Господа готов был принести ему в жертву своего сына Исаака. И в Торе, и в Коране говорится, что в последний момент Господь отвел руку отца и подменил Исаака овцой. Он не дал отцу совершить детоубийство даже в подтверждение своей глубокой веры. Поскольку каждый верующий должен иметь определенный символ своей Веры, якобы в память об этом удивительно происшествии мужчинам обрезают крайнюю плоть – своеобразное жертвоприношение Господу. В реальной жизни этот ритуал имеет чисто гигиеническую функцию. В условиях жары и дефицита воды – это же Ближний Восток – крайняя плоть становится местом размножения всякой заразы. Совершили обрезание. Нет плоти – нет и заразы. Гениально просто. Можно только подивиться мудрости и грамотности древних жрецов, столь грамотно обязавших своих соплеменников принять столь болезненную процедуру обрезания во имя их здоровья. Ведь этот обычай возник у семитических народов задолго до появления Торы и исламских канонов.

Аналогично освящено традицией отношение к павшим на поле брани. Заглянем в историю некоторых народов. Например, византийские императоры никогда не включали в условия мирного дого-

вора право благопристойного погребения павших воинов. В первые века новой эры еще не существовало традиции совершать поминальные молитвы на поле о тех, кто пал в бою. И только в начале X века начал зарождаться этот обычай. Но у византийцев так и не сложилась традиция упоминать в молитвах павших врагов своих. Ведь все другие народы для них были варварами. Не только иноверцы мусульмане, но и христиане, с которыми византийцы воевали в последние 6 веков своей истории, вплоть до падения Константинополя в 1453 году. Речь идет о византийцах потому, что в эту эпоху они были бесспорно самым просвещенным культурным народом в Европе. Тем более удивительно, что этот культурный и просвещенный народ не очень чтит память павших. Не только врагов, но и своих. Хотя именно им было у кого поучиться. Византийский император Лев VI Мудрый (конец IX – начало X в.), весьма почитаемый во всем православном мире, советует своим военачальникам самым тщательным образом заботиться о погребении мертвых независимо от того, кто это – победители или побежденные, свои или чужие. «Делать это нужно без всякого промедления, не обращая внимания на час, обстоятельства или потенциальные опасности, ибо уважение к мертвым свято. Во-первых, это важно для памяти о тех, кто пал в бою. Во-вторых, священное уважение к мертвым героям нужно продемонстрировать пред лицом живых, так как для них это большое утешение, свидетельство того, что каждый солдат в случае гибели будет удостоен той же чести. Если воины видят растерзанные тела своих мертвых товарищей, лежащие без погребения или брошенные на поле брани, они могут содрогнуться от ужаса и в

бою будут избегать аналогичной ситуации, чтобы не остаться без должного погребения. А если погибшие солдаты получают посмертные почести, если их память будет чествоваться, зная то, живые будут драться с большим рвением», – завершает свои рассуждения византийский император [3]. Удивительно то, что Лев VI Мудрый – византийский император, так как византийцы, столь его почитавшие, так и не сформировали должного уважительного отношения к павшим на поле брани и отличались пренебрежением к телам погибших в бою воинов. Вот уж действительно «нет пророка в собственном отечестве».

Впервые в истории беспрецедентный пример трепетного отношения к павшим подал нормандский герцог Вильгельм Завоеватель. В 1066 году он одержал убедительную победу над англичанами в битве при Гастингсе. Будучи выдающимся политиком и полководцем, Вильгельм прославился в истории и своим для того времени необыкновенным благородством. На месте Гастингского побоища он велел построить в честь победы грандиозное аббатство, где поминали всех погибших. Алтарь главной церкви монастыря находился на том самом месте, где пал предводитель англичан король Гарольд. Аббатство получило название Батла (битва – англ.). До сих пор на этом месте существует одноименный город, выросший вокруг аббатства. Вильгельм Завоеватель точно выполнил завет Льва VI Мудрого, хотя, скорее всего, он и не знал о его существовании. Но он исходил, по существу, из его поучения о том, что «вечно блажен тот, кто пожертвовал свою жизнь во имя своей веры и своих братьев» [1].

Византии мы уделили столько внимания потому, что она была средоточием

православия, которое впоследствии было воспринято Русью. На Руси не было такого трепетного отношения к павшим воинам, как у нормандцев. Однако великие бедствия монголо-татарского ига, великая битва на поле Куликовом и великая радость от Победы вызвали порыв благородства у Дмитрия Донского, который установил «Дмитриеву субботу» для поминовения всех русских и татарских воинов. В знаменитом древнерусском литературном памятнике «Сказание о Мамаевом побоище» приводится его обращение к преподобному Сергию Радонежскому: «И чтобы тебе пети панафида и служити обедня по всех по них избьенных» [Там же]. Впоследствии «Дмитриева суббота» постепенно трансформируется в «Дмитриевскую родительскую субботу», которая почитается на Руси до сих пор.

Однако Дмитрию Донскому подали пример чрезвычайно уважительного отношения не только к своим павшим товарищам, но и к врагу сами монголы. Чингисхан после взятия Бухары (город сдали мусульманские старейшины) велел взять живым командующего обороной города Цишилихана, героически защищавшего его в течение семи недель. Однако тот покончил с собой и встретил Победителя мертвым, гордо восседая в кресле командующего с мечом в руках. Чингисхан, пораженный его воинской доблестью, сам склонился перед мертвым героем и заставил сделать то же самое своих сыновей. Врага похоронили с почестями по мусульманскому обычаю. На Руси этого могли не знать, и скорее всего так оно и было. Но на Руси не могли не знать о том, как Батый – внук Чингисхана – прогнал всё свое войско парадным шагом перед телом Евпатия Коловрата, нанесшего чудовищ-

ный, по их меркам, урон монгольскому войску, а стало быть, смертельного врага. И тем не менее в русской национальной культуре сформировалось весьма противоречивое отношение к почитанию памяти павших. Византийские православные корни сдержанного, мягко говоря, отношения к ним мы уже рассмотрели. Теперь о том, что в русскую национальную культуру идет из дохристианских времен и вполне согласуется с православными византийскими традициями.

В русской национальной культуре скорбь по погибшим испытывалась по-разному в разных слоях населения. Можно сказать, что в определенной степени эта скорбь несла на себе отпечаток словесности. Естественно, скорбели все, но... все по-своему. В крестьянской среде различали смерть хорошую и плохую. «Хорошая» смерть – это смерть дома, в постели, в окружении семьи и близких. «Плохая» смерть – это смерть на поле брани, вдали от родных и близких. Смерть на войне воспринималась как «казенная подать» [2]. В традиционной крестьянской культуре смерть на войне выступала как вопиющее нарушение канонов «нормальной, естественной» смерти. По крестьянской морали, «свои» покойники, умершие нормальной естественной смертью, лежали на кладбище, на освященной земле. Их провожали в последний путь во всем богатстве религиозного ритуала, погребальной культуры. Покойники на кладбище оставались своими, их посещали, с ними советовались, вели беседы. Но главное здесь в том, что они – свои покойники – продолжали как бы «защищать» своих родных, т. е. живых. Отсюда к ним такое уважительное, просто трепетное отношение.

Смерть же на войне считалась несчастьем. Провожая крестьян в солдаты, родственники заранее их оплакивали, считая, что они уже не вернуться, в душе уже простившись с ними. Поэтому последующая весть о гибели сына, брата, отца не воспринималась как тяжелая утрата. Да еще и неизвестно, как и где он погиб. Может быть, он лежит в неосвященной земле. Может быть, во вражеской, проклятой земле. Еще хуже – в общей могиле. Это разделение смерти на два своеобразных вида идет с незапамятных языческих времен. А православная византийская погребальная мораль органично наложилась на русскую языческую, крестьянскую, ни чуточки не приходя с ней в противоречие. Совершенно очевидно, что уважение к погибшим, чувство благодарности к ним крестьяне в массе не испытывали.

В городской среде, особенно в среде дворянства и служилых людей, смерть на поле боя, наоборот, воспринималась как подвиг. Дворяне вообще считали такую смерть во имя Отечества наилучшей. Родные погибшего испытывали патристическую гордость, несмотря на тяжелую утрату. Городское население самим своим бытием было ближе к дворянству, к политике, было более просвещенным, и его отношение к смерти на поле боя было по характеру аналогичным дворянскому. Отсюда и такое разное отношение к погибшим на поле боя, оказывающее значительное влияние и на современную культуру.

С одной стороны, тысячи и тысячи незахороненных солдат Великой Отечественной войны через 70 лет после Великой Победы. Тогда не успели и не смогли сразу всех похоронить. Это понятно. Но ведь прошло столько времени, а внятной государственной политики по отношению

к воинским захоронениям нет. Становится понятным, почему, по какому странно-му национальному обычаю или народной традиции на местах бывших воинских и просто старинных кладбищ во многих городах возникают парки культуры и отдыха. Молодежь отдыхает, встречается, целуется, танцует на останках своих предков, отдавших жизнь как раз за то, чтобы они могли встречаться и целоваться. Но не на кладбище же. В Новосибирске – это парк «Березовая роща», и такая же роща на ул. Воинской. Не думаю, что в других городах России положение иное. Отсюда же и недовольство местного населения на Смоленщине тем, что немцы и итальянцы озабочены благоустройством своих кладбищ на русской земле, и требование, чтобы те увозили своих покойников домой. Люди забывают элементарные приличия в отношении павших на поле боя.

С другой стороны, сколько в русской истории примеров уважительного отношения к врагам. «Мертвые сраму не имут» – гласит древнерусская народная мудрость. Русский солдат с мертвыми никогда не воевал. Павших врагов всегда хоронили по воинским традициям. Лучшими примерами уважения к противнику в истории России являются Шведская могила под Полтавой, памятники на Малаховом кургане под Севастополем и особенно на Бородинском поле. Русские и французские солдаты покоятся рядом под величественным памятником, на котором начертано: «Сошедшиеся для победы, объединены смертью. В этом – слава солдат. И судьба храбрецов». Русское отношение к мертвому противнику – это всё же уважение и достойное погребение его праха. Ведь в царской России даже приговоренный к казни преступник мог рас-

считывать на похороны по христианскому обычаю.

В Германии существует специальная организация «Народный союз Германии по уходу за военными могилами», которая на безвозмездной основе ухаживает и за захоронениями советских воинов на территории Германии. Но, конечно, союз создан прежде всего для приведения в порядок и ухода за немецкими кладбищами на территории России. Да, немцы пришли на нашу землю незваными, они были нашими врагами. Но милость к павшим, в том числе к павшим врагам, – это вопрос этики, благородства, покаяния и чести. В конце концов, это вопрос национальной культуры. Необходимо к бывшей человеческой жизни отнестись по-человечески, по-христиански. Поэтому предавать земле нужно не только прах советских воинов, но и немецких солдат. Не говоря уже о том, что сам поиск павших солдат, кроме всего прочего, очищает нашу душу и привносит в нее покой и умиротворение. Возникает закономерный вопрос: почему в России до сих пор нет государственной или поддерживаемой государством общественной организации, подобной «Народному союзу Германии»? Не ждать же нам 100-летнего юбилея Великой Победы, чтобы похоронить достойно последнего солдата этой Великой войны. Ведь известно же: война не заканчивается до тех пор, пока не похоронен ее последний солдат.

Считать немецкий альтруизм чем-то естественным и одновременно считать необходимым сравнивать с землей ухаживаемые кладбища своих мертвых врагов и отправить прах солдат и офицеров вермахта и иностранных легионов обратно в Германию и Италию – это безумие. Не пора ли

примириться с упокоившимися на нашей земле врагами по обычаю не только наших предков, но и других народов, подававших и подающих столь блистательный пример уважения к бывшим врагам, ныне покойным? Не говоря уже о том, сколь уважительно и трепетно мы все должны относиться к памяти павших за нашу Родину. Не грешно позаимствовать пример отношения к павшим у Запада: у Германии, Италии, Франции и, наконец, сформировать четкую, ясную и понятную государственную политику в виде закона о защите памяти павших на поле брани.

Литература

1. Все забыты, все забыто. Как мы предаем Великую Победу [Электронный ресурс] / Ю. Голубь, М. Ефимкин, И. Кодзасова, А. Макарова, Д. Писаренко // Аргументы и факты. –

2013. – 11 сентября (№ 37). – URL: <http://www.aif.ru/society/history/46795> (дата обращения: 18.08.2016).

2. Малышева С. Утрата, скорбь и траур (Русские фронт и тыл. Минимизация и гипертрофия культуры скорби) [Электронный ресурс] // Гефтер: интернет-журнал. – Оpubл. 18 марта 2015. – URL: <http://gefeter.ru/archive/14573> (дата обращения: 18.08.2016).

3. Петровский П. Отлучить или прославить. Ч. 6. Память о павших, во имя живых [Электронный ресурс]. – URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2015/04/18/otluchit_ili_proslavit_chast_vi_pamyat_o_pavshih_vo_imya_zhivyh (дата обращения: 18.08.2016).

4. Энциклопедия культурологии [Электронный ресурс] // Академик.ru: web-сайт. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/541/%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%9E%D0%94%D0%9D%D0%90%D0%AF (дата обращения: 18.08.2016).

RESPECT FOR THE FALLEN ON THE BATTLEFIELD AS A NECESSARY ELEMENT OF NATIONAL CULTURE

V. Z. Balikoev

Novosibirsk State University
of Architecture, Design and Arts
balikoev1941@yandex.ru

The article discusses the attitudes of different nations and national cultures to the memory of the Fallen on the battlefield. The author emphasizes the historical, cultural and religious peculiarities of the formation of traditions and customs of honoring and preserving the memory of them. It is concluded that the attitude to the memory of the Fallen demonstrates the level of development of national culture.

Keywords: memory of the Fallen, traditions, customs, the rules of behaviour, social values-normative mechanisms, national culture.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-176-184

References

1. Golub' Yu., Efimkin M., Kodzasova I., Makarova A., Pisarenko D. Vse zabyty, vse zabyto. Kak my predaem Velikuyu Pobedu [All are forgotten, all is forgotten. As we betray the Great Victory]. *Argu-*

menty i fakty, 2013, 11 сентября (no. 37). Available at: <http://www.aif.ru/society/history/46795> (accessed 18.08.2016)

2. Malysheva S. Utrata, skorb' i traур (Russkie front i tyl. Minimizatsiya i gipertrofiya kul'tury skor-

bi) [Loss, grief and mourning (Russian front and rear. Minimizing and hypertrophy sorrow culture)]. *Gefter – Hefter*, 18 March 2015. Available at: <http://gefter.ru/archive/14573> (accessed 18.08.2016)

3. Petrovskii I. *Otluchit' ili proslavit'*. Ch. 6. *Pamyat' o pavshikh, vo imya zhivykh* [To excommunicate or to glorify. Pt. 6. The memory of the fallen in the name of the living]. Available at: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2015/04/18/otluchit_ili_proslavit_chast_vi_pamyat_o_pavshih_vo_imya_zhivykh (accessed 18.08.2016)

4. Entsiklopediya kul'turologii [Encyclopedia of cultural studies]. *Akademik.ru*: web-sait [Academic.ru: website]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/541/%D0%9D%D0%90%D0%A0%D0%9E%D0%94%D0%9D%D0%90%D0%AF (accessed 18.08.2016)